

Раскол Генерального штаба

Андрей Ганин, российский исторический журнал «Родина» — специально для «Дилетанта»

Многие уверены, что подавляющее большинство царских офицеров после 1917 года превратились в белогвардейцев, а красным достались единицы военспецов. На самом деле, на стороне красных воевали не менее 40% бывших офицеров Генерального штаба дореволюционной России.

В результате революций 1917 года ушла в небытие, разбившись на множество государственных образований, Российская империя. На карте мира появились независимые Украина, Польша, Финляндия, государства Прибалтики и Закавказья. Раздробленной оказалась даже территория великорусских губерний, на которой возникло советское государство и неподконтрольные ему области антибольшевистских правительств.

Раскол страны не мог не затронуть российское общество и армию, в том числе ее наиболее квалифицированную и сознательную часть — офицерский корпус. По разные стороны границ и нередко во враждующих армиях в одночасье оказались недавние това-

рищи по службе, друзья и даже близкие родственники. Раскол прошел через судьбу каждого офицера, вовлеченного в водоворот Гражданской войны. В обстановке хаоса и крушения государственности особую роль играл выбор военной элиты, без участия которой не могла быть создана ни одна новая армия.

Военной и интеллектуальной элитой дореволюционной России были офицеры Генерального штаба — наиболее квалифицированная часть старого офицерства. Чтобы стать генштабистом, необходимо было отучиться три года в Императорской военной академии и пройти практику в войсках. Генштабисты становились незаменимыми специалистами в деле создания армии и рекрутировались в высший командный состав. К октябрю 1917 года их было

около полутора тысяч человек. С конца 1916 года академия стала готовить кадры по ускоренной программе, что за период 1916–1919 годов дало еще порядка тысячи офицеров. В Гражданскую войну прежние правила ушли в прошлое, и к генштабистам стали относить всех, кто хоть немного проучился в военной академии, даже неудачно ее окончив. В итоге в событиях «русской смуты» приняли участие свыше 2800 выпускников и слушателей военной академии.

Представители военной элиты были сконцентрированы в центральных учреждениях в Петрограде, в окружных штабах и на фронтах, и большевики в силу своего территориального положения автоматически приобрели сотни высококлассных штабистов.

Дезертировавший из Красной армии полковник Федор Махин не прижился в антибольшевистском лагере и не признал адмирала Колчака верховным правителем России. В конце 1918 года Махин участвовал в подготовке заговора против Колчака и его соратника атамана Александра Дутова, за что был выслан за границу. В эмиграции Махин вступил в Компартию Югославии, стал одним из ближайших соратников Иосипа Броза Тито и получил генеральский чин в Народно-освободительной армии Югославии. Умер Махин в 1945 году.

Офицеры шли в Красную армию по разным причинам. Часто — из патриотических соображений, чтобы продолжать воевать с немцами, угрожавшими Петрограду. Многие из них ставили условием службы у красных участие в борьбе на «внутреннем фронте», то есть в Гражданской войне. Но были и те, кто шел к красным ради пайка или карьеры. Наиболее изощренными были те бывшие генералы, которые стремились удержаться на прежних должностях и при красных, для того чтобы продолжать контролировать армию. В долговечность большевистского проекта они не верили. Но развитие событий показало неадекватность этой группы, так как перехитрить большевиков им не удалось. К сотрудничеству были принуждены и те, кто собирался воевать только с внешним врагом, избегая втягивания в братоубийство.

Те, кто не мог примириться с новой властью и жаждал активной борьбы, бежали на Дон, где генерал Михаил Алексеев формировал Добровольческую армию. Руководство этой армии составили почти исключительно участники неудавшегося выступления генерала Лавра Корнилова против развала страны и армии в августе 1917 года, арестованные в Быхове и бежавшие оттуда в ноябре на Юг. По мере разрастания

Большевики смогли использовать немалую часть старого офицерства в своих интересах, перейдя с середины 1918 года к принудительным мобилизациям

контрреволюционного очага на Дону большевики стали ограничивать проезд в этом направлении, и офицеры пробирались к белым тайком, в солдатских шинелях, с огромным риском, так как в случае разоблачения им грозила бессудная казнь на месте.

Генштабисты, связанные с национальными окраинами, шли на службу в армии этих самоопределившихся территорий. Нередко делали они это отнюдь не по идейным причинам. На гетманской Украине в 1918 году под защитой оккупировавших ее немецких войск можно было спокойно пересидеть «русскую смуту». По этой причине сотни офицеров, даже не знавших украинского языка и подчас отказывавших Украине в праве на собственную государственность, устремились туда. С такой же легкостью после ухода немцев в конце 1918 года, крушения режима гетмана Павла Скоропадского и прихода к власти радикальных украинских националистов они бросили Украину, устремившись к белым или к красным.

При всей враждебности и аполитичности старого офицерства большевики смогли использовать немалую его часть в своих интересах, перейдя с лета-осени 1918 года к принудительным мобилизациям и приставив к командирам комиссаров. Только в 1917–1919 годах в Советской России на учете состояло 1360 выпускников и слушателей академии. Разумеется, большевики не стали считаться

Белые офицеры старались сохранить дореволюционные традиции (на фото-полковой праздник гвардии Казачьего полка, 1918 год)

с теми, кто не хотел участвовать в Гражданской войне.

Ответной реакцией военной элиты на насильственные действия властей стало массовое дезертирство генштабистов. Ни комиссары, ни чекисты не могли предотвращать измены. Не помогало даже запугивание военспецов (определение «военспец» — военный специалист — заменило не употреблявшееся в Советской России слово «офицер») возможными репрессиями в отношении членов их семей (приказ об арестах семей перебежчиков издал в сентябре 1918 года Лев Троцкий, но реально документ не действовал). Как следствие, на сторону противника переходили даже командующие армиями. Например, командующий 2-й армией Федор Махин, командующий 9-й армией Николай Всеволодов, командующий 3-й армией Борис Богословский. Такие высокопоставленные изменники дезорганизовывали подчиненные им войска перед тем, как бежать к противнику. Измена Махина привела к сдаче Уфы, измена Всеволодова серьезно осложнила ситуацию на Южном фронте.

Известно несколько случаев коллективных измен. Наиболее громкие — измена эвакуированной в Екатеринбург Военной академии, в результате которой к белым перебежали около двухсот офицеров, измена штаба Приволжского военного округа, уход к белым штабных работников 8-й и 12-й армий.

Немало измен было связано с успехами наступления белых на Москву летом—

Красные командиры создавали новые традиции на основе старых (на фото — 38-й Рогожско-Симоновский полк на Красной площади в Москве перед отправкой на Южный фронт, 1918 год)

Служивший у красных генерал Андрей Зайончковский был выдающимся офицером Генерального штаба и военным историком. Его труды по истории Крымской и Первой мировой войн до сих пор остаются непревзойденными. В Гражданскую войну Зайончковского неоднократно арестовывали. Впоследствии он и его дочь были вынуждены стать осведомителями органов госбезопасности.

осенью 1919 года. В октябре 1919 года, когда войска Деникина рвались к Москве, начальник штаба 13-й армии бывший генерал Андрей Зайончковский даже передал белым с верным человеком целый чемодан оперативных документов, однако белым это не помогло.

В общей сложности из лагеря в лагерь перебежали несколько сотен офицеров-генштабистов. Фактически каждый третий генштабист, попавший в Красную армию, оказался в итоге

перебежчиком. Некоторые за Гражданскую войну успели послужить в трех-четыре враждующих армиях. Например, генерал Константин Сербинович оказался в Красной армии, но в конце 1918 года был арестован в Петрограде, бежал на Украину, поступил на службу к белым, после чего уехал на Восток России. Там он был вновь арестован в 1920 году в Благовещенске, отсидел полгода в тюрьме и, совершив новый побег, вновь присоединился к белым. В конечном итоге Сербиновичу удалось благополучно эмигрировать в Китай.

Абсолютное лидерство по общему числу побегов принадлежит генералу Ивану Зайцеву, который только в 1918–1919 годах совершил сразу три побега, причем один — через линию фронта к белым, а затем, приехав после Гражданской войны из эмиграции в СССР, — еще два дерзких побега и смог вернуться в Китай.

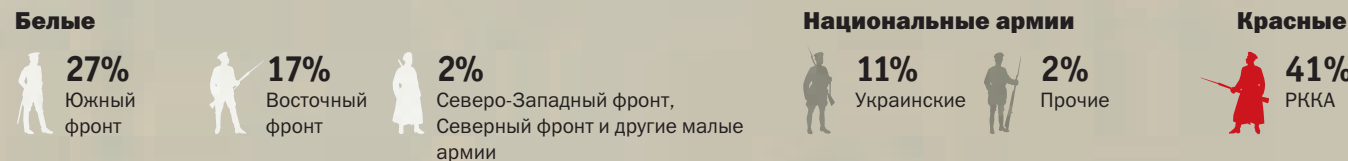
Когда чаша весов качнулась в сторону красных, начались измены и сдачи белых офицеров в плен красным. Например, массовые сдачи в плен в начале 1920 года происходили среди колчаковских генштабистов в Сибири. Альтернативой для них были скитания по безжизненной тайге и гибель от голода и холода.

Победа Красной армии была достигнута усилиями тех бывших офицеров, которые добросовестно служили новой власти, хотя для большевиков генштабисты являлись не более чем инструментом достижения своих целей. Например, таким лояльным новому режиму военным специалистом был будущий маршал Советского Союза Борис Шапошников. За свой вклад в победу красных Шапошников

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЕНШТАБИСТОВ ПО ФРОНТАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1917–1922 ГОДАХ

Чтобы определить, сколько генштабистов служило во всех враждующих лагерях Гражданской войны, и учесть сотни перебежчиков, был произведен подсчет мест службы офицеров во всех лагерях (служивший и у красных, и у белых будет принят

за единицу в каждом лагере, но без дублирования одних и тех же лагерей и армий в случае неоднократного попадания, например, к красным). Общая сумма, от которой производились процентные вычисления, — 3780 мест службы.

Составлено по: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009.

был удостоен ордена Красного Знамени, редко достававшегося представителям дореволюционной военной элиты. Шапошников пережил все волны репрессий, хотя и на него собирався компрометирующий материал, которому по каким-то причинам не был дан ход. Хотя большая часть генштабистов оказалась среди противников большевиков (см. рисунок), красные смогли поставить себе на службу такое количество генштабистов, которое, пусть и по минимуму (для многомиллионной армии), но позволяло им решать военные задачи. Антибольшевистский лагерь, в отличие от Советской России, так и не стал единым военным лагерем, что

и предопределило его разгром. Созданные старыми генштабистами на дореволюционных принципах белые армии значительно уступали РККА. Одной из причин была неспособность белых режимов справиться с решением социально-экономических задач, хотя бы для обеспечения нужд армии и достижения победы. Крайне слабые правительства территорий, занятых белыми, прятались за армией. Крупных политических лидеров, равных по своим способностям вождям большевиков Владимиру Ленину и Льву Троцкому, в белых рядах не нашлось, а в конфликте старой и новой модели управления победила новая, более жесткая, но более эффективная

в той обстановке — та, что применялась большевиками.

С окончанием Гражданской войны испытания для генштабистов не закончились. Часть из них, оставшись в Советской России и отдавая все свои силы строительству Красной армии, подверглась преследованиям и была репрессирована в рамках дела «Весна» в 1930–1931 годах и в период Большого террора второй половины 1930-х годов. Несколько десятков человек дожили до 1940-х годов и даже участвовали в Великой Отечественной войне. Оказавшиеся в эмиграции бывшие белые генштабисты, всеми забытые, доживали свой век вдали от родины. **Д**

